
ПРОЕКТ
ИНТЕГРАЦИЯ
Lich
Casper
///

Lich Casper
Проект «Интеграция»

https://litres.ru/74746842
SelfPub; 2026

Аннотация

Миры не погибли — они треснули и срослись заново. Вместе.

По хирургически точным разломам, названных «Швами», Земля вросла в земли Торила. Катастрофа едва не уничтожила оба мира, и теперь, чтобы выжить, им придётся интегрироваться — или погибнуть окончательно.

По одну сторону Шва — Совет Пяти и древняя магия.

По другую — группы спецназа, БТРы и холодная логика огнестрельного оружия.

Эльфийская разведгруппа пробирается через подвалы Новосибирска, пытаясь понять, как выжить в мире без богов, где гром заперт в проводах.

Полковник Кольцов идёт на переговоры в Высокий Дом, зная: если дипломатия сорвётся, заговорит напалм.

Два мира.

Два закона реальности.

И одна общая беда.

Содержание

Глава 1 Эффект Меридиана 4
Глава 2 Бункер 12
Глава 3 Лоскутный мир 52
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Lich Casper
Проект «Интеграция»

Глава 1 Эффект Меридиана

Интегра́ция (от лат. integratio — «восстановление», «восполнение», «соединение») — процесс объединения частей в целое. (с) Wikipedia

Мир не просто изменился — он треснул, как пересохшая кость. Сингулярность наступила в 04:12 по московскому времени. Момент Сдвига не сопровождался детонацией; это был акустический коллапс — резонанс на уровне 0,8 Гц, возникший в самой структуре пространства. Низкое, вибрирующее гудение, от которого крошились зубы, — будто гигантская струна, натянутая между двумя планетами, лопнула где-то в стратосфере. Резонанс сработал как идеальный делитель — снимал внутреннее напряжение в точках будущих границ. Земля содрогнулась не от поверхностного толчка, а всем своим нутром; литосферные плиты, аккуратно разделившись по уровню Швов, ответили сокрушительным грохотом, словно планета, решив сбросить старую кожу, судорожно расправила плечи, ломая кости привычных континентов.

Шов не выглядел стеной, барьером или сияющей преградой. Он оставался абсолютно нейтральным и почти невидимым для человеческого глаза на уровне земли, лишь едва заметное дрожание воздуха, как над раскалённым асфальтом, выдавало его границу. Ты делал шаг — и внезапно звук ветра менялся, а солнце за долю секунды прыгало по небосклону — ты оказывался в ином сегменте, в ином мире, живущем по своим законам.

Но высоко в ионосфере избыточная энергия заставляла воздух светиться: из космоса Швы казались холодными неоновыми нитями, стягивающими планету будто по линии меридианов.

В первые часы после Сдвига мировой океан, лишившись инерционных ориентиров, превратился в неуправляемую массу. Рельеф дна в зонах сопряжения превратился в каскад тектонических ступеней. По побережьям ударили цунами, чья кинетическая энергия превышала любые расчётные модели. Портовые гиганты — от Владивостока до Нью-Йорка — были стёрты за один удар приливной волны.

Произошло «Великое Отступление»: вода внезапно ушла от берегов на километры, с чудовищным свистом обнажая то, что было скрыто веками. На виду оказались остовы древних каравелл, современные субмарины, застрявшие в дон-

ном иле, и гнилые скелеты городов. Океан засасывал в себя всё живое, копя силы, чтобы через сорок минут вернуться стеной мутной, серой жижи, перемешанной со щебнем, бетоном и костями. Воздух на тысячи миль пропитался тяжёлым запахом йода, окисленного железа и распада.

Швы сработали как циклопические гидравлические поршни. В одних секторах уровень воды мгновенно поднялся на десятки метров, превращая равнины в шельфы; в других — океан исчез, оставив после себя соляные пустыни. Карты течений, формировавшие климат тысячелетиями, утратили смысл. Гольфстрим перестал существовать как единый поток. Термический насос остановился, обрекая целые регионы на мгновенную деградацию биосферы под воздействием арктического фронта. Вся жидкая плоть планеты, повинуясь лишь дикой гравитации, искала новое равновесие.

Геологическая структура планеты деформировалась вдоль всей осевой линии Швов, превратив планетарную кору в набор изолированных сегментов. В точках же их схождения — на полюсах — возникли зоны абсолютной топографической аномалии, где само понятие пространства теряло линейность.

Великие горные хребты — Гималаи, Анды, Урал — были рассечены Швами с хирургической аккуратностью. Для

наблюдателя с земли это выглядело как финальный кадр затянувшейся драмы: массивная горная гряда, уходящая в облака, внезапно обрывалась идеально плоским вертикальным срезом. Срез не имел трещин, осыпей или следов эрозии. Это была абсолютная плоскость, обнажившая внутреннюю структуру планеты — слоистые породы, жилы минералов и застывшие базальтовые потоки, замершие в разрезе, словно в школьном учебнике геологии. Другая половина пика, его продолжение и логическое завершение, теперь находилась в другом секторе, за сотни и тысячи километров от первоначальной точки.

Возникли «слепые хребты» — тропа, ведущая к вершине, внезапно упиралась в Шов, за которым начиналась пустота или ландшафт совершенно иного климатического пояса. Гора просто переставала существовать в этой реальности, превращаясь в гигантский тупик из гранита и льда. Этот пространственный разрыв создал непреодолимые барьеры для миграции животных и потоков воздуха, превратив некогда единые экосистемы в изолированные анклавы, запертые между камнем и границей миров.

Зоны запредельного тектонического давления привели к разрыву ледяных щитов Арктики и Антарктики. На Северном полюсе, в эпицентре энергетического выброса, за считаные дни сформировались три стратовулкана, выбрасываю-

щие пепел в стратосферу. Ветер разносил жгучую взвесь серы и жжёного камня, окрашивая небо в багровые тона и меняя химический состав осадков.

Швы не просто делили мир — они издевались над его топографией. В местах, где высоты рельефа соседних секторов не совпадали, возникли «обрывы реальности». Сибирская Обь, достигая Шва, превращалась в титанический многометровый водопад — вода разбивалась в вечный туман, заливая «нижние» земли и превращая их в гигантские болота. Мосты превратились в трамплины, ведущие в небо или в стену чужой земли. В других местах реки упирались в возникшие из ниоткуда скальные уступы. Не имея возможности течь вперёд, вода разворачивалась, заливая пашни, превращая цветущие долины в гнилые дельты и рваные болота. Огромные территории уходили под воду только из-за того, что река теперь текла совсем в другую сторону.

Спутники ГЛОНАСС и GPS продолжали кружить по орбитам, исправно посылая сигналы, но пространство внизу стало кривым. Швы работали как гравитационные линзы: радиоволна, проходя через границу секторов, искажалась, растягивалась или вовсе исчезала. Радиоэфир стал стоном раненой планеты. Магия Плетения, пропитавшая атмосферу, и привычные электромагнитные волны оказались параллельными реальностями, которые начали странно искрить при

соприкосновении. Эфир заполнила статика вулканического пепла, но сквозь неё пробивалось «радиоэхо». Сигналы, отражаясь от Швов, возвращались из прошлого. Люди по всей Земле ловили в приёмниках собственные голоса, записанные часы назад. Сводки новостей о «нештатной ситуации», транслируемые в первые мгновения Сдвига, крутились в бесконечных петлях.

Навигация превратилась в статистическую погрешность. Приборы управления фиксировали падение всех показателей на ноль, альтиметры выдавали хаотические значения. Магнитосфера планеты больше не имела единого севера: вокруг старых полюсов дрейфовали нестабильные магнитные узлы, сбивая навигацию и заставляя стрелки компасов бешено вращаться. Единственным законом в небе стал фатализм физических аномалий. Для диспетчеров, самолёт, летящий привычным курсом, после пересечения Шва становился призраком. Экипажа мог заметить всего лишь секунды турбулентности и резкую смену пейзажа под крыльями, но для внешнего наблюдателя это были долгие часы зловещей пустоты на радаре.

С космоса Земля теперь напоминала очищенный мандарин, сегменты которого едва удерживались вместе силами гравитации. Безупречно ровные нити Авроры — следствие вечного ионного тления на стыках — тянулись от полюса к

полюсу, обозначая шрамы на теле планеты.

Планета выжила. Она «притёрлась», смирилась с новыми границами, но старые законы — от юридических кодексов до законов термодинамики — рассыпались в пыль. Человечество больше не было полновластным хозяином этого шара. Мы стали жильцами в восьми комнатах огромной, странной и пугающей коммунальной квартиры. И за тонкими стенами Швов уже слышались отчётливые, чужие шаги. Там, в соседних восьми секторах, кто-то другой уже двигал мебель, проверял границы своих владений и внимательно прислушивался к нашему дыханию, решая: станем ли мы соседями, полезными инструментами или просто досадным препятствием, которое нужно убрать, чтобы расширить свою жилплощадь.

Глава 2 Бункер

В ситуационном центре пахло горячим пластиком от перегретых серверов, которые работали на пределе возможностей, пытаясь обсчитать логику того, что обсчитать было невозможно. К этому примешивался кислый дух несвежего кофе, застоявшегося в бумажных стаканчиках, и тот специфический, металлический запах страха, который не в силах выветрить ни одна система кондиционирования. Этот запах был тяжёлым, почти осязаемым; он оседал на языке привкусом старых медных монет и озона, исходящего от карт, где фиолетовые линии Разломов ярко перечёркивали границы областей.

Президент, не спавший вторые сутки, медленно обвёл взглядом присутствующих. В этом стерильном освещении лица его министров и генералов казались вырезанными из плохого воска — серыми, застывшими, с глубокими тенями в глазницах. Его собственный, обычно безупречный галстук был слегка ослаблен, а в углу рта залегла жёсткая, глубокая складка, похожая на шрам.

Эта складка появилась не от возраста и даже не от хронической усталости. Она стала физическим воплощением привычки держать лицо — структурным элементом власти, фун-

даментом, на котором всё ещё держалась вертикаль, пока за пределами бункера рушилась сама физика.

Ему нестерпимо хотелось зевнуть, выругаться матом или просто закрыть глаза, чтобы не видеть интерактивных панелей. На них Россия превращалась в лоскутное одеяло из «зон тишины» и «секторов сопряжения».

Гудение мощных систем охлаждения теперь напоминало ему не ритм работающей государственной машины, а предсмертный хрип старого мира. Он чувствовал, как под подушечками пальцев вибрирует столешница — или это была дрожь в его собственных руках, которую он запрещал себе замечать.

— Состояние гражданской инфраструктуры? — Президент посмотрел на министра по чрезвычайным ситуациям. Голос его прозвучал сухо, безжизненно, как треск старого пергамента.

Министр МЧС Волков поднялся тяжело, всем телом, опираясь на край полированного стола обеими руками так сильно, что костяшки пальцев побелели. Его форменный китель, всегда идеально отутюженный, был измят, а на левом рукаве темнело непонятное пятно — то ли мазут, то ли запёкшаяся кровь, которую он в суматохе последних часов просто не

заметил. Лицо министра имело серый, землистый оттенок, словно он сам только что выбрался из-под завалов рухнувшего мира и ещё не успел стряхнуть пыль со своего сознания.

Кто-то из помощников машинально, тихим и подобострастным жестом, пододвинул ему стакан воды. Волков не заметил — он смотрел в пустоту перед собой, как в бездонную воронку, где в этот самый момент исчезали города, мосты и тысячи человеческих жизней, не вписанных в протоколы спасения.

— Энергосистема страны разрезана на несколько изолированных кусков. Мы потеряли единое кольцо в первые же секунды. Сейчас города за пределами центрального сектора живут на инерции или на аварийных дизелях, но это вопрос часов. Механические разрушения подстанций и обрывы высоковольтных линий привели к каскадным отключениям даже в тех регионах, которые не затронуты сейсмикой. Газопроводы перебиты физическим смещением пластов. Задвижки мы перекрыли, но сейчас вдоль Швов выгорают остатки газа в поврежденных плечах — факелы стоят высотой в триста метров. Потушить их невозможно, а подтянуть тяжелую технику для локализации мы не можем: подъездных путей теперь просто не существует.

Волков судорожно сглотнул, и его кадык дёрнулся.

— Беда с логистикой. Страна фактически рассечена на пять изолированных кусков. Четыре вертикальных Шва прошли через всю территорию, разорвав Транссиб и федеральные трассы в четырех ключевых точках. Мосты через крупные реки в местах разлома просто перестали совпадать. Один берег остался в нашей реальности, другой — превратился в чужую территорию. Что именно теперь находится между ними, мы пока не понимаем. Кто-то докладывает о лесах, которых не должно быть на карте, кто-то — о горах или руинах чужих городов, но наши дороги просто уходят в никуда. Города, которые Швы рассекли пополам, превращены в руины в результате серии землетрясений амплитудой до девяти баллов. Мы имеем сотни тысяч подтвержденных жертв среди мирного населения, и это только по предварительным данным из тех районов, где еще работает связь. Центральное управление восточными анклавами потеряно. Московский узел. Западный Шов прошел всего в сорока километрах от МКАД. На месте Одинцово и Красногорска теперь — девственные леса и скалы, которых там не может быть. Из тех лесов выходят существа. Нападения на жилые кварталы происходят регулярно.

Он наконец отвёл взгляд от невидимой воронки и посмотрел на Президента. В его глазах отражался холодный свет

мониторов, делая их похожими на два пустых экрана.

— Со связью, с отрезанными Катастрофой анклавами пока что очень плохо. Спутниковая группировка фактически ослепла — сигналы либо полностью поглощаются Швами, либо искажаются до неузнаваемости, превращаясь в цифровой мусор. Единственное, что у нас осталось — это КВ-радиосвязь, но и она крайне неустойчива из-за ионизации атмосферы. Мы получаем информацию обрывками, буквально по слогам.

Он перевел дыхание и продолжил более тяжелым тоном:

— По этим данным - прибрежные районы на Дальнем Востоке и Севере заливает: тектонические сдвиги вызвали серию цунами. Местные власти пытаются разворачивать лагеря беженцев в глубине материка, но ресурсы на исходе. Спасательные работы осложнены постоянными афтершоками, гигантскими оползнями и полным отсутствием подъездных путей — техника просто не может пройти через завалы и трещины глубиной в сотни метров.

Министр нажал кнопку проектора, и на экране замелькали страшные кадры: рухнувшие мосты, гигантские трещины, проглотившие целые кварталы, и яростное зарево пожаров, охвативших жилые массивы.

— По атомной энергетике... Калининская АЭС в Удомле

оказалась в критической близости от Западного Шва — разлом прошел всего в семи километрах от площадки. Сейсмический удар был такой силы, что первый энергоблок получил повреждения контура. Усилиями персонала реактор удалось заглушить, но станция фактически превратилась в зону отчуждения. Подъезды разрушены, связи нет, а из примыкающих лесов... того мира... началась миграция агрессивной фауны. Охрана АЭС ведет круглосуточные бои с этими существами. Там нам срочно нужны дополнительные силы армии, иначе мы получим катастрофу в самом центре страны.

Он перевернул страницу отчета, словно пытаясь отгородиться от цифр, и добавил:

— В Северодвинске ситуация не лучше: после цунами три атомные подводные лодки выброшены на берег, корпуса смяты. Есть угроза разгерметизации активных зон реакторов. Радиационный фон в городе растет.

Президент выслушал доклад в полной тишине, лишь сильнее сжав кулаки. Костяшки на его руках побелели так резко и безжизненно, будто и в них тоже прошёл свой маленький, персональный разлом, отделивший плоть от воли. Он не перебивал, не уточнял цифры — в мире, где города исчезают с радаров вместе с самими радарами, уточнять цифры было бессмысленно.

— Товарищ генерал-майор. Теперь вы... — голос Президента стал тихим, лишённым интонаций, как звук осыпающейся штукатурки.

Исполняющий обязанности министра обороны Берестов выглядел в этом хай-тек бункере, среди голографических панелей и мерцающих сенсоров, пришельцем из совсем другой, давно забытой эпохи. Худой, подтянутый до металлического звона, он казался отлитым из того же сплава, что и его очки в тонкой стальной оправе. В нём не было суеты Волкова; Берестов был воплощением ледяной сосредоточенности человека, который всю жизнь готовился к войне...

Перед ним лежала старая, потёртая до рыжины кожаная папка с массивным латунным замком — «дедовский» метод хранения документов, которому он всегда отдавал предпочтение. Папка выглядела так, будто пережила не одного министра и не одну страну... Что, в общем-то, так и было. Она была немой свидетельницей эпох, когда приказы писались перьевыми ручками, а судьбы миллионов решались без участия искусственного интеллекта.

Берестов не торопился. Он медленно прикоснулся к латунному замку. В стерильной тишине бункера сухой щёлчок открываемого механизма прозвучал громче, чем взрыв.

— Обстановка критическая. Надводный флот практически перестал существовать как организованная сила. Базы в Североморске и Владивостоке уничтожены первыми ударами стихии. У нас есть подтверждённые данные о гибели флагманов. Уцелели лишь несколько атомных подводных крейсеров проекта «Борей», находившихся на боевом дежурстве. Они ушли под лёд, их акустики фиксируют тектонический хаос, но связь с ними крайне неустойчива. Армия растянута, мы фактически ведём войну на нескольких участках... На Урале наши части зажаты в песках внезапно возникшей пустыни. Огромные массы песка из сопряжённого сектора буквально «перетекли» через Шов, засыпая дороги и позиции. Танки тонут в барханах, которых не было ещё позавчера.

— Командование Восточного военного округа из Якутии докладывает о боестолкновениях с крупными силами... — министр на секунду замялся, подбирая слово, — живой силы противника. Если верить их радио-докладам, проблема в том, что цели не имеют теплового следа. Системы наведения и приборы ночного видения их просто не видят. Огонь ведется фактически вслепую, по визуальному контакту. Это сводит на нет всё наше технологическое преимущество в ночное время и в условиях плохой видимости.

Он тяжело сглотнул, перекладывая лист с пометкой

«Срочно» в самый низ папки.

— Командующий округом приложил к докладу протоколы осмотра тел. Пакет с документами и флеш-картами доставили буквально час назад курьерским Су-35. Пилоту пришлось лететь на сверхзвуке над зоной Шва — министр сделал паузу, — Тела, если это конечно можно назвать телами... На вид — это люди. Но, во-первых, ткани находятся в состоянии выраженного гнилостного разложения, которое должно было начаться недели, а то и месяцы назад. А во-вторых — внутри них нет крови. Вместо неё сосуды заполнены полупрозрачным составом, напоминающим технический гель или слизь.

— Зомби, что ли? — Президент медленно поднял взгляд на министра. Голос его звучал на удивление тихо, но в этой тишине отчетливо слышался лязг взведенного затвора. — Вот только оживших мертвецов нам еще не хватало для полного счастья...

Он потер виски, словно пытаясь выдавить из головы возникшую картинку.

— Что еще? — коротко бросил он, не дожидаясь ответа на риторический вопрос. — Если вы принесли данные об инопланетянах или всадниках апокалипсиса, выкладывайте сразу. У меня лимит на потрясения на сегодня уже исчерпан.

— Плюс была... скажем так — ситуация с системой «Периметр». После первых толчков и потери связи с командными пунктами система зафиксировала сейсмические удары как множественные ядерные взрывы. Она инициировала протокол ответного удара по НАТО и США. Нас спасло только отсутствие радиационного фона, предусмотренного алгоритмом «Мёртвой руки». Система замерла в ожидании подтверждения, и мы успели отключить её вручную, перейдя на прямое управление. На данный момент ядерный арсенал под контролем, но автоматика больше не страхует. Шахтные установки в Сибири стабильны, но те, что западнее Москвы, молчат.

Академик Воронцов, директор Института ядерных исследований РАН, издал какой-то странный, то ли стонущий, то ли рычащий звук. Он уже несколько минут не находил себе места: то хватался за край стола, то судорожно перебирал папки, то порывался встать. Каждое слово министра про ракеты и протоколы, казалось, причиняло ему физическую боль своей неуместностью.

— Послушайте, у нас катастрофически мало времени, а мы тратим его на ерунду! — Голос академика Воронцова прозвучал резко, почти болезненно.

Директор Института ядерных исследований РАН уже несколько минут буквально не находил себе места. Он то подавался вперед, то судорожно сжимал пальцами край стола, и было видно, что каждое слово министра про «Периметр» и шахтные установки жжет ему слух своей неуместностью.

— Владимир Сергеевич, господин Президент, я прошу... нет, я требую дать мне выступить прямо сейчас! — Воронцов вскочил, не дожидаясь приглашения.

Президент посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом. В кабинете повисла опасная тишина, но, взглянув в лихорадочно блестящие глаза академика, он коротко кивнул министру, заставляя того замолчать, и жестом указал Воронцову на трибуну: — Говорите, Аркадий Наумович. Без политеса. Что там у вас?

Воронцов даже не кивнул в ответ — он уже был во власти своих цифр.

— Мы получаем стабильную телеметрию с орбитального сегмента, — Воронцов вывел на центральный экран изображение, очищенное от цифровых шумов. — — Мы получаем стабильную телеметрию и пакеты визуальных данных, — Воронцов вывел на центральный экран изображение, очищенное от цифровых шумов. — Удалось задействовать вы-

сокоорбитальную группировку ГЛОНАСС-К2 в качестве ретранслятора для выживших аппаратов оптической разведки. Господин Президент, то, что вы сейчас увидите, не является дефектом съемки или атмосферным искажением.

Воронцов нажал клавишу, и центральный панорамный экран, занимавший всю стену, на мгновение захлебнулся в помехах, прежде чем выдать картинку. В стерильной тишине бункера послышался чей-то сдавленный выдох. Это не была «голубая жемчужина», к которой они все давно привыкли. Перед ними плыла сфера, подвергшаяся чудовищной, математически выверенной вивисекции. Ослепительно яркие, фиолетовые и тонкие жгуты Разломов, казалось, были просто наложены поверх планеты. Эти линии, безупречно прямые и мертвенно-неподвижные, сходились на полюсах, образуя идеальную геометрию. Планета теперь напоминала заготовку на разделочном столе ювелира, которую готовят к финальному удару.

Академик обернулся к Президенту:

— Посмотрите на эти векторы, — он указал на идеально прямые фиолетовые линии, разрезавшие планету. — Мы замерили углы. Восемь секторов. Ровно по сорок пять градусов. Отклонение — меньше миллисекунды дуги. Мне кажется, это не природная аномалия, господин Президент. С точ-

ки зрения физики это больше похоже на наложение новой координатной сетки поверх существующей материи.

Воронцов поднял взгляд на Президента и щёлкнул пультом, сменив видео на экране.

— А вот это — изображение с камер беспилотника С-70 «Охотник», летящего над сектором «Сибирь-1». Обратите внимание — с этой низкой высоты не видно никаких границ. Посмотрите на крылья, — указал академик. Вдоль кромок самолёта плясали фиолетовые разряды. — Воздух ионизируется на границах разделения миров. Мы пристыкованы не просто географически — мы сшиты на уровне атмосферных слоёв.

Воронцов замолчал, и тишина в бункере стала почти болезненной. Он стянул очки и принялся неистово тереть их полой халата, обнажая покрасневшие, воспалённые от бессонницы глаза.

— Когда пришли первые данные с беспилотника картографической разведки, я распорядился перепроверить их трижды, — голос академика дрогнул, сорвавшись на хрип. — Мы отправили «Охотник» в автономном режиме через Разлом в Московском узле. Ему пришлось лететь по гироскопам, без GPS и внешней связи. Чтобы исключить локаль-

ную аномалию, мы повторили маневр в районе Новосибирска, отправив второй борт через другой Шов. В обоих случаях аппараты вели непрерывную аэрофотограмметрию сопредельной стороны.

Он сделал паузу, его пальцы судорожно забарабанили по пульту.

— Мы ожидали увидеть руины наших городов или, в худшем случае, воронки. Но БПЛА зафиксировал иную реальность. На месте Одинцово — густой лес с растительностью, нетипичной для нашего климатического пояса. А вот в районе Новосибирского Шва, там, где должна быть тайга... — Воронцов сглотнул, — там зафиксированы мегаполисы. Огромные городские агломерации с радиальной застройкой, но без единой линии электропередач, без дорог в нашем понимании и без привычных тепловых сигнатур жилых кварталов. Архитектура не имеет аналогов ни в одной земной культуре.

Воронцов рвано выдохнул и снова надел очки, словно они могли защитить его от того, что он видел на экране.

— Я думал, это системная ошибка. Чей-то чудовищный, запредельно циничный розыгрыш или вирусная атака на серверы ИИ. Но алгоритм сопоставил снимки рельефа со всеми мировыми архивами, включая… — он запнулся, и на

его скулах проступили пятна гневного румянца, — включая сегменты массовой культуры. Библиотеки игровых движков, фанатские рендеры, чертежи из справочников.

Он ударил ладонью по столу, и звук получился сухим, как выстрел.

— Сходство материковой линии, расположения горных хребтов и береговой зоны с картами вымышленного мира из настольной игры «Dungeons & Dragons»… а именно — мира Абир-Торил, составило девяносто два процента! Дмитрий Владимирович, я физик-ядерщик! Я всю жизнь оперирую константами, частицами, которые можно измерить! Я не понимаю, что за лютая хрень происходит!

Воронцов лихорадочно вывел на экран два изображения. Слева — зернистый, сероватый снимок с дрона, на котором виднелись очертания величественного города с башнями, парящими вопреки всем законам сопромата. Справа — глянцевая карта из фанатского атласа.

— Посмотрите на эти бухты. На эти портовые кварталы. Это Аткатла. Столица Амна. Мы проверили алгоритмы десять раз, мы прогнали данные через три независимых ИИ… Результат неизменен. — Воронцов сильно потёр виски пальцами. — Наша реальность замещается чужой фанта-

зией. Сказкой, которую кто-то или что-то решил совместить с нашим миром. Это унизительно для науки, господин Президент. Это… просто бредово!

Президент медленно подался вперёд. Тень от массивного козырька монитора легла на его лицо, оставив в темноте глаза, отчего голос, зазвучавший в мёртвой тишине центра, показался ещё более чужим.

— Академик... Я правильно вас услышал? Вы сейчас, в этом кабинете, докладываете главе ядерной державы, что Россия теперь граничит с настольной игрой?

Он произнёс это медленно, почти по слогам, словно проверяя каждое слово на прочность.

— Вы всерьёз предлагаете мне верить, что четверть страны, с её заводами, гарнизонами и миллионами граждан, отрезана от нас сюжетом для подростков и инфантильных бездельников? — Президент на мгновение замолчал, и тишина стала физически давящей. — Вы понимаете, как это звучит в контексте государственной безопасности? Вы предлагаете мне строить оборонную стратегию, опираясь на правила из книжки в мягкой обложке?

Он не кричал. Но в этом спокойствии было столько скры-

той ярости и неверия, что воздух в бункере, казалось, стал ещё тяжелее, чем надвигающийся Шов.

— Я сам понимаю, как это звучит! — голос академика вышел на высокий, почти истеричный регистр. Он сорвал очки и в упор посмотрел на Президента, и в этом взгляде не осталось ничего от кабинетного учёного — только голый, беспримесный ужас человека, заглянувшего в бездну.

Воронцов снова вывел на экран сетку сопряжения. Его пальцы теперь не просто дрожали — они выбивали дробь по сенсорной панели пульта, и он несколько раз промахнулся по нужной пиктограмме, прежде чем изображение стабилизировалось.

— Вы думаете, мне легко это произносить? Я сорок лет строил карьеру на фактических доказательствах и рационализме!

Он резко развернулся к экрану, указывая на пульсирующие фиолетовые линии, которые безжалостно резали контуры Сибири и Урала.

— Мы прогнали полученные карты сопредельной территории через все мыслимые модели — тектонические, гравитационные, даже климатические. Ноль. Пустота. Ни од-

на структура не ложится в эту схему. А ИИ выдаёт этот... этот «игровой сеттинг» как единственный стопроцентный аналог!

Академик на мгновение замолчал, судорожно хватая ртом воздух. Он выглядел как человек, который только что обнаружил, что законы термодинамики больше не действуют в его собственной кухне.

— Я искал скрытые переменные. Пытался найти в этих данных хоть какую-то зацепку, которая вернула бы нас в поле рациональной физики: смещение полюсов, квантовую флуктуацию, что угодно! Но система раз за разом выбрасывала один и тот же результат. Это не совпадение. Это... это копирование объектов в новую среду.

Он в отчаянии всплеснул руками, и его голос сорвался на хрип:

— У меня нет для вас других объяснений! Понимаете? Нет! Мы можем называть это инопланетным вторжением, галлюцинацией или божьей карой, но факты говорят одно: в нашу реальность вставляются куски этой чертовой игры!

Воронцов схватился за край стола, тяжело дыша. На его лбу выступила крупная испарина, а галстук съехал набок.

— Но кое-что у нас уже есть! Фактическое, и очень интересное подтверждение, открывающее перед нами просто фантастические перспективы! — Академик азартно бросился к клавиатуре компьютера. Его пальцы летали по клавишам, он быстро нашёл нужный файл, вывел его на большой демонстрационный экран и с силой нажал на воспроизведение. — По нашему запросу ВКС санкционировали разведочный вылет. В зону разлома вошёл МиГ-31Д. Это уникальная машина, способная работать в ближнем космосе.

На центральном экране появилось видео из кабины истребителя. Сквозь фонарь кокпита было видно, как самолёт несётся на огромной высоте.

— Смотрите внимательно. Сейчас он пересекает границу Разлома. Единственный знак, указывающий на переход, — вот эти статические разряды на кромках крыльев и стекле. Это результат мгновенной ионизации атмосферы в точке сопряжения сред. А теперь... смотрите, что происходит, когда он выходит на эшелон ближнего космоса!

На видео глубокая синь атмосферы стремительно сменилась бархатной чернотой безвоздушного пространства. Вспыхнули звёзды — яркие, немигающие точки.

— Обратите внимание на звёзды! — Воронцов ткнул пальцем в экран. — Это не наше небо! Созвездия совершенно другие, конфигурация звёздных скоплений не имеет ничего общего с каталогами ГАИШ. У пилота едва не случилась истерика, когда он понял, что над ним больше нет Полярной звезды. Там другие светила, другая космогония!

Истребитель совершил манёвр, разворачиваясь кабиной к планете. Внизу открылась панорама, от которой по залу заседаний прошёл гул. Земля выглядела иначе: материки имели незнакомые очертания, а от полюса к полюсу тянулись люминесцентные, ядовито-фиолетовые полосы.

— Видите?! Сегменты нашего мира просто исчезают в этих линиях. Это не Земля, это Торил! — академик возбуждённо потёр ладони и нервно, почти по-детски хихикнул. — Но это ещё не всё. Мы настояли на том, чтобы пилот совершил обратный манёвр. Нам было трудно его уговорить, он боялся, что «дверь» захлопнется, но он всё же рискнул выйти в космос над нашей территорией.

Картинка на видео дрогнула, когда самолёт снова прошёл сквозь стену статических разрядов. Вновь показались звёзды — и на этот раз они были знакомыми, родными. Ковш Большой Медведицы висел на своём законном месте.

— А вот он развернулся к планете!

Земной шар выглядел бы почти как обычно, если бы не те же светящиеся линии, безжалостно рассекающие его с севера на юг, словно швы на футбольном мяче. Академик поставил видео на паузу, заставив картинку замереть.

— Понимаете?! Это невероятно! Мы имеем дело не просто с перемещением в пространстве. Это переход в другую Вселенную, в иную систему измерений! Возможно, там другие фундаментальные константы, иная кривизна пространства... Это, кстати, подтверждается и детонацией временных рамок. Внутри Разломов время не совпадает с нашим — зафиксированная разница составляет ровно четыре часа двадцать три минуты. Мы буквально «сшиты» с миром, который живёт в другом ритме.

Академик немного успокоился и продолжил демонстрацию:

— Я не знаю, как это можно объяснить, и сам не могу в это до конца поверить, но похоже, что мы пристыковались к Торилу. Сектор «Сибирь-1» сопряжён с полуостровом Чульт и территориями торговой олигархии Амн. Сектор «Запад» у Москвы — это Побережье Мечей, район между Вратами Балдура и Невервинтером. Урал ушёл в Андердак и Высо-

кую Пустошь. Якутия сошлась с заснеженными землями за Хребтом Мира и территорией Долины Ледяного Ветра.

— А вот, — он переключил слайд на серию снимков, сделанных в морге, — ещё одно доказательство. На этот раз из Кургана.

На огромном экране появилось изображение массивного тела, распластанного на секционном столе. Даже мёртвым это существо излучало первобытную, звериную угрозу. Кожа серо-зелёного оттенка, напоминающая дублёную кожу носорога, массивные челюсти с выпирающими клыками и пропорции, которые заставили бы любого тяжелоатлета почувствовать себя задохликом.

— Это орки, — Воронцов произнёс это название с брезгливостью человека, вынужденного оперировать терминами из детских книжек. — Биологический вид, никогда не существовавший в нашей экосистеме. По предварительным данным исследований местного Университета, мы имеем дело с совершенно иной антропологической ветвью.

Академик увеличил снимок рентгеновского снимка грудной клетки.

— Их кости в три раза плотнее человеческих и имеют по-

ристую структуру, напоминающую композитную броню — их невероятно сложно сломать. Структура мышечных волокон больше похожа на сухожилия крупных хищников. Но главное — метаболизм. Объём лёгких и специфическая конфигурация кровеносной системы позволяют этой особи сохранять темп предельного рывка в течение нескольких часов без признаков накопления молочной кислоты. Там, где наш элитный спецназовец упадёт от сердечного приступа через полчаса марш-броска по пересечённой местности, эти существа только входят в рабочий ритм.

Воронцов перелистнул слайд, показывая микроскопический срез тканей.

— В земной антропологии нет даже отдалённых аналогов. У них иная химия крови — высокий уровень соединений меди и железа, иная плотность мягких тканей. Это биологические машины, эволюционировавшие для бесконечной, тотальной войны на истощение. Они созданы, чтобы убивать долго, эффективно и не уставая.

Президент медленно поднялся со своего кресла. Скрип кожи прозвучал в мёртвой тишине как скрежет металла по стеклу. Подошёл к экрану вплотную и долго вглядывался в снимок из курганского морга. Его взгляд замер на клыках, на этой неестественной, серой плоти, которая даже через циф-

ровой объектив передавала ощущение нечеловеческой плотности.

— Значит, не косплееры, — тихо, почти про себя произнёс он.

Он протянул руку и коснулся экрана там, где на снимке была видна вскрытая грудная клетка существа.

— Это означает, что мой солдат, стоящий в оцеплении с обычным АК-74, для этой твари — просто мишень. Это значит, что наши бронежилеты для их топоров — как картон. Вы описываете мне идеальную пехоту, Воронцов. Пехоту, которой не нужны сухпайки каждые шесть часов и которая не знает, что такое паника при виде потерь.

Он резко отвернулся от экрана и посмотрел на Берестова в упор.

— Сколько времени потребуется, чтобы перебросить к Уральскому разлому части, укомплектованные чем-то более тяжёлым, чем стрелковое оружие? Мне нужны люди, которые смогут остановить это, — он кивнул на экран, — врукопашную, если потребуется. Такие люди у нас ещё остались?

Берестов выдержал взгляд Президента, не моргнув.

— Переброску начнём сегодня же, в течение трёх часов. Я подниму части постоянной готовности. Пойдут люди с «живым» боевым опытом, а не кнопочные операторы.

Берестов на секунду прищурился, в уме выстраивая логистику гибнущего мира.

— По тяжёлому вооружению: распечатаем склады длительного хранения в Сибирском округе. Выгоним всё, что заводится и может стрелять. Т-62, старые БМП-1, гаубицы Д-30. Техника, конечно, старая, но надёжная...

Президент закрыл глаза, и на мгновение его лицо превратилось в серую маску из глубоких морщин и нездоровой бледности. В кабинете воцарилась такая тишина, что было слышно, как в углу едва уловимо гудит серверная стойка спецсвязи. Весь этот мир — с его ядерными паритетами, ценами на нефть и дипломатическими протоколами — только что треснул пополам.

— Значит, орки... — он произнёс это слово медленно, пробуя его на вкус, как яд. — Магия. Боги. Драконы...

Он открыл глаза и посмотрел на министра обороны. Взгляд президента был сухим и тяжёлым, как гранитная пли-

та.

— Оказывается, у нас там, за Швом, не просто дыра в небе или аномальная зона. Там — функционирующая Вселенная со своей иерархией и историей. С империями, которые не подписывали с нами конвенций и, наверное, не признают наших границ, и с драконами, которые плевать хотели на наши радары и системы ПВО.

Президент вернулся на своё место и тяжело откинулся в кресле, которое жалобно скрипнуло под его весом. Он казался сейчас не лидером державы, а смертельно уставшим человеком, которому на плечи внезапно сбросили груз целой планеты.

Он подвинул к себе кружку с уже остывшим кофе — на поверхности плавала тонкая маслянистая плёнка. Левая рука привычно, почти рефлекторно зашарила под столом, нащупав прохладное стекло. На свет появилась початая бутылка коньяка — без этикетки, из спецхрана.

Президент впился зубами в пробку, дёрнул головой и, охнув от напряжения, выплюнул её на пол. Глухой звук падения пробки на паркет прозвучал как выстрел в тишине. Он щедро плеснул коньяк прямо в свой холодный кофе. Коричневая муть в кружке завихрилась, поднимая со дна гущу.

Сделав глоток, он поморщился, чувствуя, как алкоголь обжигает горло, выбивая из головы остатки оцепенения.

Президент толкнул запотевшую бутылку по лакированной поверхности стола. Тяжёлое стекло заскользило, едва не сбив подставку с государственными флагами, и замерло на самой середине.

— Кому нужно причесать нервы — не стесняйтесь. Вон там, у кулера, возьмите бумажные стаканчики. Сегодня протокол идёт к черту.

Он обвёл взглядом присутствующих, задержавшись на дрожащих руках Воронцова и окаменевшем лице Волкова. Дождался, пока сухой шелест бумажных стаканов и глухое бульканье алкоголя перестанет заполнять тишину центра, и только тогда посмотрел на Берестова в упор:

— Что делать-то будем, генерал? У вас в папке есть планы Генштаба на случай войны с эльфами?

Берестов не стал тянуться за стаканом. Он стоял прямо, и свет ламп отражался в его очках двумя холодными точками.

— Планы разрабатываются, Дмитрий Владимирович, — ответил он ровным, лишённым эмоций голосом. — Генштаб

работает. Но пока мною уже сформирована сводная группа специального назначения «Гранит». Командир — полковник Кольцов, опытный боевой офицер, за плечами которого несколько лет в горах и три в «песочнице». Он и его люди привыкли воевать в условиях полного отсутствия связи и поддержки.

Берестов на мгновение замолчал, глядя на экран, где пульсировала фиолетовая сетка.

— Изначально их задачей была глубокая разведка и, возможно, зачистка плацдарма в сопредельной зоне, — ответил Берестов, сохраняя каменное выражение лица. — Но в свете новых данных о... — он едва заметно запнулся, бросив мимолётный взгляд на снимок трупа в морге, — обо всём этом, его задачи поменяются.

Генерал выпрямился, и в его голосе прозвучали официальные, почти сухие интонации военного приказа, за которыми скрывалось глубокое недоверие к происходящему.

— Кольцов сегодня же получит новый приказ: войти в зону сопряжения под Новосибирском и установить первоначальный контакт с местными жителями. Задача — координация в ликвидации последствий... катастрофы и установление первичных дипломатических контактов. Мы должны по-

нять, кто там главный, есть ли у них понятие о границах и готовы ли они обсуждать условия сосуществования.

Берестов на мгновение замолчал, и его голос стал на октаву ниже, обращаясь уже лично к Президенту:

— Но вы же понимаете, Дмитрий Владимирович... Кольцов — не дипломат в смокинге. Он берёт с собой «Гранит». Если «местные жители» вместо рукопожатия решат проверить на прочность наши бронежилеты, «первичный контакт» превратится в установление огневого превосходства. Я дам ему карт-бланш. Если там не с кем говорить на языке конвенций, он будет говорить на языке пулемётных очередей. Это разведка боем, как бы красиво мы её ни называли в отчётах.

— Подождите! — академик Воронцов почти выкрикнул это, возбуждённо подавшись вперёд и едва не опрокинув свой стакан. — Дмитрий Владимирович, Берестов, вы не можете отправить туда одних военных! Это не просто плацдарм, это физический парадокс библейского масштаба! Мы не можем просто палить по горизонту, надеясь, что геометрия исправится сама собой!

Воронцов тяжело опёрся о край стола, глядя на Президента с отчаянной решимостью:

— В группу Кольцова обязательно должен быть включён мой человек — профессор Самойлов. Он один из лучших специалистов по теории струн и многомерным пространствам в нашей стране. Если мы хотим понять, как работает этот мир, почему там меняется течение времени и почему наши законы физики там не гаснут окончательно, Самойлов должен быть в первом эшелоне. Генерал, нам нужны данные для анализа! Пока что нам почти не с чем работать!

Президент перевёл взгляд на Берестова. Генерал едва заметно поморщился, но спорить не стал.

— Ладно. Наделите Кольцова полномочиями чрезвычайного представителя президента, — Президент устало опустил плечи, но взгляд его оставался жёстким. — С правом принятия решений на месте, вплоть до объявления войны или заключения временных перемирий. Пусть берёт этого вашего Самойлова и устанавливает контакт с той стороной. Мы должны предложить им диалог раньше, чем всё рухнет из-за чьей-нибудь тупой самодеятельности...

Он на мгновение задержал руку над папкой с документами, словно раздумывая, не стоит ли немедленно всё это запереть в сейф и забыть как дурной сон.

— Как Кольцов будет с ними разговаривать, генерал? У него есть специалисты? Лингвисты, переговорщики... знатоки этого культурного пласта?

Берестов коротко кивнул, словно этот вопрос он уже проработал в уме.

— В штате «Гранита» есть универсальные специалисты по психологическим операциям. Но, Дмитрий Владимирович, давайте будем реалистами: если «та сторона» соответствует описанию академика, то лучший универсальный язык для первого контакта — это демонстрация силы и спокойствия. Но думаю, придётся привлекать экспертов из частного сектора...

— Мы готовим портативные лингво-модули на базе «Архитектора», — дополнил ответ генерала академик. — Загрузили в них все наработки по ускоренному изучению языков...

Президент снова посмотрел на экран, где замерла картинка из морга Кургана.

— Полномочия я подпишу, но напомните полковнику: он представляет не просто «группу разведки». Он представляет Россию.

Он поднялся, застёгивая пуговицу пиджака — привычный жест, возвращающий ему образ лидера страны, даже если сама страна сейчас трещала по швам.

— Даже если перед ним будет стоять эльфийский король, верховный жрец или демон из самой глубокой бездны, за спиной Кольцова есть ещё ядерный арсенал нашей державы. И если они не понимают нашего языка, пусть этот ваш профессор Самойлов объяснит им на досуге, что такое энергия деления ядра. Пусть они об этом не забывают ни на секунду.

Президент кивнул Берестову, завершая разговор.

— Действуйте, генерал. У нас совсем нет времени на испуг.

В этот момент тишину в бункере прорезал резкий звук — министр внутренних дел рванул воротник форменной рубашки так, что пара пуговиц с сухим щелчком отлетела в сторону и покатилась по полированному полу. Он тяжело, по-рыбьи хватал ртом сухой, выхолощенный воздух кондиционеров. Его лицо было багровым, а пальцы, вцепившиеся в край стола, заметно дрожали.

— Дмитрий Владимирович... МВД захлёбывается! — голос министра был сорван, в нём сквозило чистое отчаяние

человека, чей аппарат контроля рассыпается на глазах. — В городах паника. Погромы и мародёрство такого масштаба, что личного состава не хватает даже на элементарное оцепление. Мы стягиваем резервы, но улицы превращаются в мясорубку. Люди сходят с ума!

Он опёрся на стол, нависая над картой, которая теперь казалась ему бесполезным куском бумаги.

— Пенитенциарный сектор на грани взрыва. Десятки колоний и СИЗО оказались в «слепых зонах» сопряжения. Они почти полностью отрезаны от мира этими вашими разломами — связи нет, дорог нет, снабжение обнулено. В этих «каменных мешках» заперты тысячи заключённых и сотрудников охраны, и у них заканчивается еда.

Министр вытер испарину со лба тыльной стороной ладони.

— И это ещё не всё. В тех зонах, где Шов прошёл прямо через корпуса... Охрана на периметре докладывает о массовых побегах. Нам нужно подкрепление Росгвардии, иначе мы потеряем города раньше, чем ваши разведчики долетят до Новосибирска!

Министр поднял испуганный взгляд на Президента.

— Конвойные напуганы не меньше заключённых. Личный состав на грани массового дезертирства. Офицеры и прапорщики хотят бросить вышки, забрать оружие и бежать спасать свои семьи, а не охранять бараки с рецидивистами. Охрана понимает: если начнётся бунт, запертые внутри зэки их просто разорвут, потому что за пределами разлома законы Российской Федерации больше не работают. Мы рискуем получить десятки тысяч вооружённых преступников, которые вырвутся из изоляции в самый глубокий тыл.

Министр сделал паузу, ожидая реакции, но Президент молчал, неподвижно глядя на застывшее видео с распластанным на анатомическом столе орком. Тишина в бункере стала почти осязаемой, нарушаемой лишь гулом серверов и тяжёлым дыханием главы МВД.

— Мне нужны инструкции, Дмитрий Владимирович, — уже тише, почти просяще повторил министр. — Что делать с этими объектами в условиях полной изоляции? Мы не можем ни эвакуировать их, ни кормить. Мы даже не знаем, чья там теперь власть — связь очень нестабильна...

Президент медленно перевёл взгляд на министра. В этом взгляде было больше бесконечной, свинцовой усталости, чем гнева. Он выглядел как человек, на чьих плечах только

что треснул свод небес.

— Сами-то что предлагаете? — голос Президента звучал глухо, лишённый всяких интонаций. — Распустить по домам такой контингент мы не можем. Это будет означать немедленную смерть для ближайших населённых пунктов. Но и бросить их там умирать от голода — значит создать армию смертников, которым нечего терять.

Он на мгновение закрыл глаза, пытаясь осознать масштаб катастрофы, не укладывающейся ни в один протокол безопасности.

— Думайте, — отрезал он, открыв глаза. — Думайте, куда их девать. Ищите возможности для временной консервации или... — он запнулся, подбирая слово, которое не звучало бы слишком цинично, — или привлечения к работам по укреплению периметра. Если они заперты по ту сторону Шва, пусть выгрызают себе право на жизнь в борьбе с тем, что лезет из пустошей. Дайте им шанс стать нашей первой линией обороны, если это возможно. Но решений за вас я сейчас не приму. У меня вся страна — одна большая «слепая зона».

— Есть идея, господин Президент! — министр транспорта, чьё лицо до этого момента было белее его собственной

рубашки, суетливо развернул на столе огромную инженерную схему Северного морского пути, прижав углы стаканами с водой.

— На полюсах эти линии разломов сходятся в единый узел. И это наш шанс, — он лихорадочно ткнул пальцем в макушку земного шара. — Из-за аномальной ионизации и тектонических сдвигов арктические льды в зоне сопряжения разрушаются и тают с немыслимой скоростью. Там, где раньше не могли пройти караваны, сейчас открытая вода. Если мы немедленно пустим все имеющиеся ледоколы по самой кромке арктического бассейна, мы сможем восстановить снабжение Дальнего Востока в обход сухопутных «разрывов» на Урале и в Сибири.

Он перевёл дыхание и развернул второй чертёж, густо исчерченный красным маркером.

— Вторая фаза — «Северный широтный ход». Нам нужно в форсированном режиме проложить временные ветки железной дороги по мерзлоте вдоль побережья Ледовитого океана, фактически огибая «верхушку» планеты по дуге. Да, вариант трудозатратный, придётся бросить туда все ресурсы и, возможно, те самые трудовые резервы из «запертых» колоний, о которых говорил министр МВД. Но альтернативы пока не видно... Либо мы строим этот мост через Арктику, ли-

бо страна окончательно распадётся на изолированные острова, между которыми нет постоянной связи.

Президент долго всматривался в неровную красную линию, прочерченную маркером на карте Арктики. В его глазах эта линия больше не была транспортным маршрутом. Это был будущий шов, которым страну собирались сшивать заново, буквально по живому, пока она не развалилась на куски.

— Вот вам и решение по вашему «спецконтингенту», — Президент резким движением окончательно ослабил узел галстука, сорвал его с шеи и, даже не глядя, швырнул куда-то под стол. Этот жест поставил точку в эпохе кабинетной дипломатии. — Мы не будем просто охранять их и тратить пайки на сидельцев. Будем формировать из заключённых строительные бригады, — он устало усмехнулся, — добровольно-принудительно.

Повернувшись к министру МВД, он заговорил короткими фразами, в которых отчётливо заскрежетал металл:

— Всех, кто физически способен держать лом или управлять бульдозером — на север, на строительство «Широтного хода». Объявите им: при безупречной работе — скостим срок наполовину. Всем. Кроме осуждённых пожизненно —

те будут вкалывать за право просто увидеть следующий рассвет. Если не справитесь с конвоированием и организацией своими силами, обращайтесь к Берестову, запрашивайте помощь армии... Но лучше бы вам справиться самостоятельно. Армия у нас не резиновая, у неё и так много задач нарезано...

Он снова посмотрел на карту, словно уже видел там эшелоны, уходящие в мерзлоту.

— Инженерные войска и трудовые отряды МВД — на побережье Ледовитого океана. Начинайте переброску техники и снабжения немедленно. Если мы не проложим эту ветку до того, как связь с Дальним Востоком окончательно рухнет, у нас не будет страны. Исполняйте.

— И последнее, — Президент опёрся кулаками о стол. — С этой минуты мы вводим режим «Особого управления». Транспорт, горючее, тяжёлая строительная техника, продовольственные склады и запасы любых стройматериалов — всё переходит под полный контроль государства.

Он посмотрел на министров, фиксируя каждое лицо, отсекая любую возможность для споров.

— С этого момента частной собственности в зоне катастрофы не существует. Есть только ресурсы для спасения

страны. Забудьте про сметы и тендеры. Бюджета больше нет. Есть только выживание и целесообразность. Любое сопротивление, саботаж или попытки нажиться на дефиците — по законам военного времени. Мы либо выживем все вместе, сшивая эти куски земли стальными рельсами, либо сдохнем по отдельности в своих уютных офисах.

Слово «выживание» повисло в воздухе, как новый и единственный официальный статус государства.

Президент резко поднялся и, не оборачиваясь, подошёл к бронированной двери, уже взялся за её ручку, но обернулся к Воронцову:

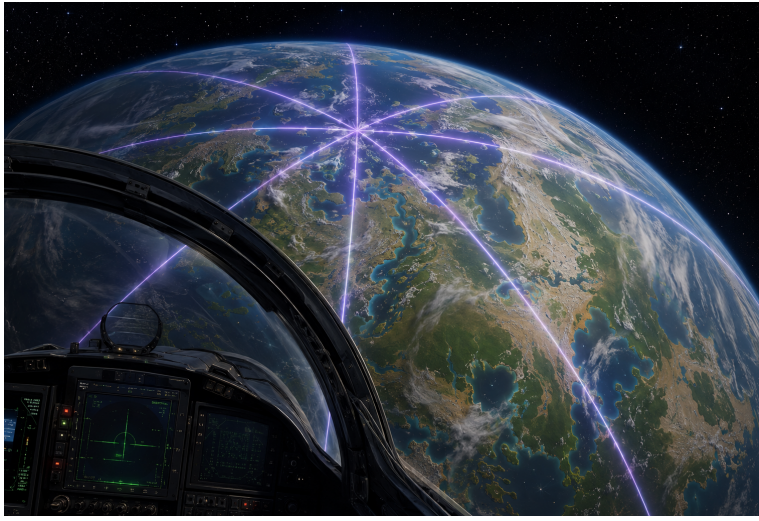
— И кстати, подготовьте мне краткий справочник по этому вашему Торилу. Без воды и философских размышлений. Мне нужны факты: кто там главный, чем они воюют и чего боятся. Если мы вляпались в фэнтези-роман, я хочу знать его финал раньше, чем авторы его допишут.

Он вышел, и дверь за ним захлопнулась с тяжёлым магнитным щелчком.

В зале воцарилась гулкая, почти кладбищенская тишина. Министры начали молча собирать бумаги, стараясь не смотреть друг другу в глаза — каждый из них только что стал

винтиком в машине, у которой больше не было тормозов.

Генерал-майор Берестов остался у стола. Он аккуратно поправил очки и внимательно посмотрел на карту, где красная линия Широтного хода теперь напоминала свежий кровавый рубец. Берестов не думал о политике. Он считал. Считал годы, которые страна будет платить за сегодняшний день, и жизни, которые лягут в фундамент этого «шва».

Глава 3 Лоскутный мир

Зал Совета Шести в Аткатла всегда был памятником человеческому тщеславию — местом, где золото окончательно победило вкус, меру и здравый смысл. Исполинские своды из полированного порфира уходили вверх, теряясь в полумраке, а прожилки звёздного сапфира, вплавленные в камень ещё при первых владыках Амна, обычно ловили и дробили сияние тысяч магических светильников. В хорошие времена зал казался внутренностью гигантской драгоценности: тёплый свет тек по колоннам, плавился в позолоте, отражался в зеркальном мраморе пола.

Но сегодня роскошь выглядела больной.

Магические жаровни работали с перебоями. Их огонь дёргался, словно в агонии: вспыхивал резким фиолетовым светом, затем почти угасал, оставляя Совет в зыбкой, тревожной тени. Временами по залу проходила едва заметная дрожь, и тогда сапфировые прожилки внутри стен начинали светиться изнутри тусклым мертвенным сиянием — будто под камнем медленно пульсировало что-то чужое.

Сам воздух изменился.

Раньше здесь пахло дорогими благовониями, воском и старой бумагой государственных архивов. Теперь к этим привычным запахам примешивалась тонкая металлическая гарь — едва уловимая, но достаточно навязчивая, чтобы ни один человек в зале не мог забыть: мир снаружи перестал быть прежним.

В самом дальнем углу, там, куда неохотно добирался дрожащий свет жаровен, стояло древнее каменное кресло. Оно казалось частью самой стены — словно его не внесли сюда, а вырубили из скалы ещё до основания Амн. В этом кресле неподвижно сидел Рибальд.

Хозяин «Волшебных принадлежностей», человек, чьих денег хватило бы выкупить половину побережья вместе с долгами и армиями, выглядел здесь не как торговец и даже не как правитель. Скорее — как нечто, случайно принявшее человеческий облик ради собственных целей.

Огромный, широкоплечий, с тяжёлой рыжей бородой, он был облачён в тёмно-синий бархатный камзол, расшитый золотой нитью. Но роскошь сидела на нём плохо — как дорогой плащ на осадном таране. В Ривалде не было утончённости Совета. Он напоминал старого морского хищника, пережившего десятки абордажей, человека, который привык брать города не дипломатией, а голодом, огнём и страхом.

Его пальцы — массивные, со сбитыми костяшками — были унизаны перстнями с редчайшими камнями. Каждый из них стоил как полностью оснащённый военный фрегат. Но сжимали они не золотой кубок и не хрусталь Калимшана, а грубый кубок из обожжённой глины.

Тёмное вино Тетира внутри неё казалось почти чёрным.

Этот простой кубок выглядел вызывающе среди сапфира и порфира — словно намеренное оскорбление всей эстетике Совета. И всё же дело было не в ней.

Рибальд не вписывался в этот зал не из-за отсутствия манер, а потому, что был слишком настоящим для места, построенного на иллюзиях и компромиссах.

Совет Шести привык к людям, которые прятали свою суть под слоями парфюма, кружев и напускной значимости. В Аткатле сила всегда была обернута в золото или шелк. Но сила Рибальда ощущалась физически — тяжёлая, плотная, как давление глубинной воды в безлунную ночь. Он не просто сидел в кресле; он занимал пространство, словно монолит, который был здесь задолго до возведения стен дворца и останется после того, как они рассыплются в прах. В его спокойствии не было высокомерия — лишь уверенность человека,

который уже пережил несколько концов света и заранее знал истинную цену всем грядущим речам.

Взгляд присутствующих невольно соскальзывал с него, как капля воды с раскалённого металла.

Любой, кто пытался задержать взор на торговце дольше нескольких секунд, испытывал тошнотворное чувство когнитивного сбоя. Разум словно отказывался обрабатывать информацию, пытаясь вытолкнуть этот образ из сознания. Это был древний, животный инстинкт — тот самый, что заставляет зверя замереть и не дышать, когда мимо проходит нечто, от чего невозможно убежать.

Когда мастер-некромант Иставан вошёл в зал, его безупречный, выверенный десятилетиями шаг на миг сбился.

Тень мага, до этого момента послушно стелившаяся по мрамору, вдруг дрогнула и пошла рябью, будто наткнулась на невидимую трещину в самой ткани бытия. Иставан, чьи глаза давно привыкли видеть мир как переплетение сосудов, воли и эманаций смерти, ощутил холодную вспышку тревоги. Он привык читать людей как открытые книги: страх для него пах озоном, ложь отдавала привкусом меди, а признаки скорого распада он видел по тому, как густо тени липнут к пяткам обречённых.

Но фигура в углу ломала все привычные настройки восприятия.

Взгляд некроманта скользнул по Рибальду — и сорвался, не найдя ни одной зацепки. Не потому, что торговец был укрыт мощнейшим заклятием невидимости или отводом глаз. Напротив. В нём было слишком много присутствия. Избыток плотной, грубой реальности, которая, казалось, вытесняла Плетение из воздуха вокруг него.

Иставан медленно прищурился, его костлявые пальцы непроизвольно впились в навершие посоха.

Рибальд пах дорогим табаком «из-за моря», старой кожей потертого дорожного камзола, терпким вином и специфической пылью архивов, которые не открывали веками. Живой человек. Совершенно живой, из плоти и крови. Но за этим обыденным фасадом ощущалось нечто, заставившее магистра некромантии похолодеть.

Это не была магия в привычном понимании. Не благословение капризных богов Пантеона и даже не артефактная защита, которую Рибальд, без сомнения, мог себе позволить.

Это был след. Отпечаток существа, которое слишком дол-

го и пристально смотрело в бездну запредельных катастроф — и в какой-то момент бездна не просто отразилась в нём, она признала его равным. Рибальд перестал считать себя уязвимым не из-за глупой отваги, а из-за того, что его личная «плотность» стала выше, чем у окружающего мира.

Иставан запомнил это ощущение на всю оставшуюся вечность, сколько бы её ни оставалось. Так веет не властью, за которую нужно бороться, и не деньгами, которые можно отнять.

Так веет первобытной силой, которая не нуждается в признании, разрешениях Совета или одобрении Магов в рясах. Эта сила просто была. И в свете последних событий со Швом, Иставан вдруг понял: возможно, Рибальд — единственный в этом зале, кто не выглядит как жертва на алтаре грядущих перемен.

У высокого окна стоял Тессерил — один из Пяти, чей авторитет в Совете Шести зиждился на холодном расчёте и абсолютной беспощадности к слабостям. Сухой, желчный старик с лицом сурового наставника, посвятившего жизнь тихой, методичной ненависти к чужим ошибкам, он казался частью самой архитектуры дворца. Его длинные пальцы вцепились в мраморный подоконник так сильно, что побелевшие суставы напоминали костяшки мертвеца, выставленные

напоказ.

Он смотрел наружу, и в его взгляде, обычно лишенном эмоций, теперь плескалась гремучая смесь ярости и бессилия.

Там, где ещё неделю назад, до проклятого Сдвига, под ласковым солнцем Амнии простирались золотистые пляжи и благоухающие сады Аткатлы, наполненные криками чаек и звоном монет.

Там, где раньше до самого горизонта тянулись возделанные поля и богатые поместья Аткатлы, реальность теперь была разрезана по линейке. Ровно в одной лиге от городских стен — на расстоянии, которое тренированный взор мага определял мгновенно — привычный мир обрывался.

Там проходил Шов.

За этой невидимой, но осязаемой чертой больше не было мягких холмов Амнии. Там, уходя бесконечной стеной на север и юг вдоль меридиана, застыла сибирская тайга. Исполинские ели, отяжелевшие под пластами густого серого снега, стояли так плотно, что казались легионом чудовищных копий, застывших в ожидании приказа. Пять тысяч шагов пустого, выжженного пространства отделяли город от этой

хвойной стены, но даже с такого расстояния Тессерил чувствовал исходящий оттуда холод.

Между деревьями гулял ледяной ветер, несущий мелкую снежную пыль, которая белой дымкой стелилась над «ничейной землей». Временами воздух над самой кромкой леса рябил, а затем из пустоты вырывались голубоватые электрические разряды. Они бесновались в пяти милях отсюда, но звук их сухого треска долетал до дворца, заставляя вибрировать оконные стекла.

Ветер, дующий со стороны Шва, приносил не запах моря, а тяжелый, чужеродный коктейль из ароматов хвои, дизельной гари и машинного масла. Это была вонь мира, который не просил разрешения войти, а просто отсек от Аткатлы её будущее, оставив магам лишь узкую полоску земли перед лицом наступающей зимы и стали.

Исполинские ели, отяжелевшие под пластами густого серого снега, казались бесчисленными копьями, которые пробили саму ткань мира и теперь удерживали два разорванных сектора вместе. Между деревьями, в непроглядном сумраке ветвей, гулял ледяной, кусачий ветер. Он не шептал, как ветра Торила, он выл на одной низкой ноте, неся с собой мелкую, острую, как битое стекло, снежную пыль. Временами воздух над этим чужеродным лесом рябил и искажался,

словно над раскалённой жаровней, а затем из самой пустоты, из невидимых шрамов реальности, вырывались яростные голубоватые разряды.

Это были не молнии богов. Это была статика самой материи, протестующей против насильственного сшивания. Разряды били в башни, балюстрады и вековые статуи дворца с сухим, мерзким треском, похожим на звук ломающихся костей.

На древнем камне, видевшем расцвет и падение династий, оставались уродливые чёрные подпалины, пахнущие озоном. Но даже этот запах перекрывало то, что приносил ветер.

Вместе с колючим холодом в зал просачивался густой аромат хвои, перемешанный с удушливой вонью дизельной гари и пережжённого машинного масла. Это был тяжёлый, лязгающий, абсолютно чужой аромат индустриального мира, который не просто вторгся сюда без спроса — он начал переваривать Аткатлу, превращая жемчужину Амна в заснеженную опушку на задворках империи железа и пара. Тессерил чувствовал, как этот запах впитывается в его мантию, в его поры, и понимал: старый мир не просто расколот. Он осквернён самой сущностью этой новой, не знающей Плетения реальности.

— Наш мир больше не един, — тихо произнёс Тессерил, и этот шёпот в мёртвой тишине зала прозвучал страшнее любого крика.

Его голос был сухим и ломким, как старый пергамент, который слишком долго держали над огнём. Маг не оборачивался, его взгляд был прикован к ровной, как лезвие меча, полосе Шва на горизонте.

— Великое Сшивание превратило Торил в лоскутное одеяло, сшитое рукой безумца. Но если здесь, в Амне, мы получили холод и чужие леса, то из Чульта пришли донесения о сущем кошмаре. Там, среди изумрудных джунглей, теперь торчат скелеты железных башен пришельцев. И теперь из невидимых щелей в пространстве, прямо через линию Шва, извергается смерть.

Тессерил судорожно вздохнул, и его пальцы ещё сильнее впились в мрамор подоконника.

— Из лопнувших стальных вен того мира хлынуло чёрное «земляное масло». Это не просто разлив, это неконтролируемое извержение. Миллионы торговых тунн этой вязкой, вонючей скверны затапливают наши драгоценные плантации редких специй, превращая их в маслянистые кладбища. На-

ши золотые рудники — те, что приносили Аткатле истинную мощь — теперь стоят залитые этой жижей до самых сводов. Золото тонет в грязи, которую невозможно отмыть даже магией.

Он медленно повернул голову к присутствующим, и в его глазах блеснул отблеск далёких пожаров.

— Реки Чульта превратились в потоки жидкого дёгтя, мёртвые и неподвижные. Духи леса, эти древние тени, бегут без оглядки, теряя свою силу там, где Плетение пропиталось гарью. А животные... те, что поумнее, уходят на север, ломая чащу. Те же, кто не успел, гибнут в страшных муках. Они вязнут в этой чёрной трясине, их мех слипается, их лёгкие сгорают от ядовитых испарений. Они сходят с ума от ужаса и боли ещё до того, как жижа полностью поглотит их. И мы даже не знаем кому можно предъявить счёт за наши убытки...

Леди Селен, глава богатейшего торгового дома, медленно перелистывала отчёты на влажном пергаменте. Она была женщиной без возраста, с лицом, застывшим в маске безупречной вежливости. Единственным признаком её волнения была привычка крутить на мизинце тонкое кольцо с печаткой.

— В Аткатле назревает бунт, — произнесла она певучим,

но ледяным голосом. — Мои крупнейшие зернохранилища на востоке… их больше нет. Шов прошёл прямо через житницы, отрезав провинцию . Теперь там пролегает бесконечный, идеально ровный тракт, по которому на безумной скорости несутся стальные кареты без лошадей.

— Наши Маги в рясах, — произнесла Селен, и в её голосе промелькнула тень злой иронии, — те самые, что веками держали этот город в страхе, решили, что законы Плетения распространяются и на пришельцев. Когда Шов разрезал восточный тракт, они вышли навстречу стальным монстрам в своих церемониальных облачениях. Пятнадцать магистров высшего круга выстроили ритуальный каскад «Стены Силы». Они ожидали, что возницы падут ниц, ошеломлённые мощью тайного знания.

Она сделала паузу, и кольцо на её мизинце замерло.

— Но эти грохочущие чудовища даже не замедлились. Один из них, огромная многоосная махина из чернёного металла, вероятно, был ослеплён в тумане сиянием магических щитов. Пять слоёв зачарованной защиты, способных выдержать удар тарана, разлетелись стеклянной крошкой под натиском обычного веса. От этих идиотов не осталось даже костей, которые можно было бы собрать для воскрешения. Лишь кровавый след, размазанный по серому камню на сот-

ню ярдов, и обрывки мантий раскиданные по кустам.

Тишина в зале стала глубже, приобретая почти осязаемую, удушливую плотность. Она больше не была тишиной величественного покоя — теперь это было безмолвие склепа, в котором заживо заперли величайших правителей Амнии. В этом вакууме даже биение сердец присутствующих казалось неуместно громким, вульгарным протестом против навалившейся пустоты.

Где-то далеко, за толстыми стенами дворца, гудел город.

Не шумел привычной суетой портовых кварталов, не кричал голосами зазывал и не звеньял упряжью караванов.

Именно гудел — низко, надрывно, как огромный потревоженный улей, в который вместо дыма плеснули расплавленным свинцом. Этот звук просачивался сквозь узкие бойницы и тяжёлые портьеры, вибрируя в подошвах сапог и кончиках пальцев. В нём слышался подспудный ужас тысяч людей, запертых в каменном мешке Аткатлы, которые внезапно осознали, что их мир больше не заканчивается привычными дорогами, а упирается в незыблемую стену чужой реальности.

Это был гул коллективной лихорадки. Звук тысяч ног, бесцельно топчущих мостовые в поисках ответов; шёпот мо-

литв, возносимых богам, которые, казалось, ослепли от сияния Шва; и резкий, дребезжащий лязг оружия, которое теперь казалось игрушечным. Город не просто боялся — он вибрировал от осознания собственной хрупкости. Каждый житель Аткатлы чувствовал то же, что и Тессерил у окна: их уютная, жадная и предсказуемая жизнь была разрезана пополам, и теперь из этой раны вытекал сам смысл их существования, оставляя лишь этот монотонный, сводящий с ума гул обречённости.

— Беженцы рассказывают вещи, от которых кровь стынет в жилах, — продолжила Селен, и её голос стал почти неразличим на фоне городского гула. — О том как Шов прошёл прямо сквозь жизни людей, словно коса жнеца.

Она сделала резкий жест рукой, обводя пространство перед собой.

— В приграничных поселениях дома оказались разрезаны пополам с пугающей, невозможной точностью. Купец в Эшпурте рассказывал, что обедал с семьёй, когда мир просто... развалился. Теперь его столовая обрывается крутым краем, за которым нет ни двора, ни колодца, ни соседней улицы. Вместо них — бездонный обрыв, затянутый серой пеленой, а за ним, всего в нескольких милях, высится эта проклятая стена чужого леса.

Селен зябко передернула плечами, кутаясь в расшитую шелками накидку, которая больше не грела.

— Вместо нашего ласкового мая, вместо цветения и тепла, в эти раны на теле мира ворвалась зима, которой Аткатла нникогда не знала за всю свою историю. Это не просто холод. Это ледяное дыхание далёких северных пустошей, которое теперь поселилось у нас на пороге. Ветер завывает в пустых комнатах разрезанных домов, занося спальни тяжёлым, серым снегом. Люди замерзают в своих постелях, потому что их очаги теперь смотрят в бездну, где властвует вечный мороз.

Она вновь указала на кусок бетонного блока, принесённый слугами.

— На месте срезов, там, где камень нашего мира столкнулся с их материей, находят вот это. Обломки их «полых скал». Наши алхимики клянутся, что этот серый состав — не природный камень, а некая застывшая смесь, внутри которой проложены медные жилы. Они мертвы для Плетения, ни одно заклинание поиска не заставляет их светиться. Но если подойти к Шву и краю разрезанного дома, когда ветер на мгновение стихает, можно услышать их гул. Ровный, монотонный, механический звук, идущий из-под этого серого

панциря. Словно сам тот мир, холодный и бездушный, пытается дотянуться до нас через свои обрубленные нервы.

Она медленно подошла к окну, и фиолетовый отблеск магических жаровен, горевших в зале, пал на её лицо, сделав его мертвенно-бледным, почти прозрачным. В этом свете она казалась не живой женщиной, а призраком из того самого прошлого, которое закончилось в миг Сдвига.

— А ночью... — Селен замолчала на мгновение, вглядываясь в чернильную густоту тайги, обступившей город, — ночью из глубин этого нового леса доносится ритм.

Она приложила ладонь к холодному стеклу, словно пытаясь уловить вибрацию.

— Он низкий. Монотонный. Повторяющийся с такой точностью, какая недоступна ни одному живому существу. Это не вой зверя и не плач ветра в кронах. Словно там, глубоко под мерзлым слоем чужой земли, работает исполинское механическое сердце. Оно бьёт в самую основу нашего мира, заставляя дрожать стены домов и воду в кубках.

Селен впервые за всё время заседания выглядела по-настоящему испуганной. Её маска безупречного спокойствия дала трещину, обнажая первобытный трепет перед неизвест-

ным.

— Такое чувство, будто наш Торил вскрыли, как тушу на прилавке мясника, и внутрь, прямо в живую плоть, вставили чужой, бездушный механизм. Он не пытается договориться с нами. Он не знает молитв. Он просто работает, вытесняя нас, пядь за пядью, пока мы спорим о курсе золотого дантара. Мы слышим, как пульсирует их жизнь, и эта пульсация не сулит нам ничего, кроме окончательного забвения под слоем серого снега.

Мастер Иставан издал звук, похожий на сухой скрип сдвигаемой надгробной плиты. Когда он медленно выпрямился, его тяжёлая иссиня-чёрная мантия, расшитая тусклыми рунами подавления, казалось, начала активно всасывать в себя остатки света в зале. Пространство вокруг него подёрнулось зыбким маревом, превращая фигуру магистра в рваный провал в самой реальности — в зияющую пустоту, которая не отражала блики жаровен, а пожирала их.

— Вы всё ещё мыслите как торговцы, подсчитывающие убытки от потерянного зерна, — произнёс некромант, и его голос, лишённый всякой теплоты, заполнил комнату, словно ледяная вода. — А между тем небо над нашими головами уже изменилось. Оно больше не принадлежит нам.

Он обвёл присутствующих взглядом, в котором не было ничего, кроме мертвенного спокойствия.

— Маги в красных мантиях... Тэйцы, чьё высокомерие всегда превышало их рассудок, решили проучить незваных гостей. Они атаковали одну из крепостей чужаков, что высится за Швом. Это был Огненный шторм, истинное заклинание уровня осады города. Небо над лесом превратилось в кипящий океан пламени. Маги Тэя уже готовились праздновать победу, ожидая, что железные стены расплавятся, как воск.

Иставан поднял свои выцветшие, почти белёсые глаза:

— Но ответ пришёл не через Плетение. Он пришёл через облака.

На мгновение в зале стало настолько тихо, что слышно было, как со звоном остывает металл жаровен. Даже Рибальд в своём углу перестал пить вино, застыв в напряжённом ожидании.

— С неба ударила стальная стрела. В ней не было ни капли магии. Ни следа божественного благословения или демонического пакта. Только холодный расчет, металл и боевая алхимия. Она неслась с таким грохотом, что у тех, кто стоял в миле от места падения, лопнули барабанные перепонки.

Иставан медленно сжал костлявые пальцы в кулак, и тьма вокруг его мантии испуганно дрогнула.

— Крепость тэйцев... она не просто была разрушена. Она исчезла. Пыль, обломки и кровь магистров — всё это превратилось в раскалённый пар за долю секунды. От их хвалёного мастерства не осталось даже эха в Плетении.

Он обвёл Совет взглядом, в котором читался приговор всему их привычному миру.

— Это не война магов. Это столкновение с силой, которая считает наши заклинания лишь забавным световым шоу. И если они решат направить свои «стрелы» на Аткатлу, наши стены станут нашей общей могилой быстрее, чем вы успеете произнести формулу защиты.

— Но и у них есть слабость.

Впервые за всё время в мёртвом голосе Иставана прорезалась живая, пугающая эмоция. Это была чистая, беспримесная жадность, какая бывает лишь у тех, кто нашел ключ от сокровищницы богов.

— Их мёртвые... они никому не нужны, — прошелестел

некромант, и этот шёпот был подобен шороху сухих листьев на могильной плите.

Он почти улыбнулся, обнажив пожелтевшие зубы. Улыбка на лице, привыкшем к маске бесстрастия, выглядела как свежая рана.

— Их кладбища за Швом огромны. Мои соглядатаи, те, что умеют скользить между тенями, видели поля, уставленные ровными рядами камней. Там лежат миллионы. Миллионы тел, господа. И — подумайте только! — над ними нет ни охранных печатей Келемвора, ни освящённых жрецами оберегов, ни защиты для душ. Они просто зарывают своих покойников в землю, упаковывая их в деревянные ящики, как ненужный, отработанный мусор. Они относятся к плоти как к сломанному инструменту, который больше не приносит пользы.

В тёмных, провалившихся глазницах Иставана вспыхнул холодный, лихорадочный голод учёного, перед которым развернули чертежи величайшего эксперимента в истории мироздания.

— Там, за невидимой чертой, нет божественного надзора. Там нет Плетения, которое могло бы ограничить поток некротической энергии. Для вас это мёртвые земли при-

шельцев, вызывающие лишь брезгливость и страх. Но для меня... для меня это не кладбища. Это спящая армия, бесконечный легион, который замер в ожидании приказа.

Он медленно обвёл Совет взглядом, и на этот раз даже Тессерил отвёл глаза, не выдержав безумия, сокрытого в этой ледяной уверенности.

— Они не знают, что их величайшая уязвимость — это то, что они оставляют у себя под ногами. Если мы не можем победить их живыми, мы заставим их мёртвых встать и сомкнуть пальцы на глотках своих же детей и правнуков. Я дам этой «армии мусора» волю, и тогда мы посмотрим, как их железные кареты справятся с теми, кто уже однажды погиб и больше не боится стали.

— И ты погубишь нас всех, безумец! — Тессерил с силой ударил кулаком по массивному столу из черного дуба, заставив тяжёлые серебряные чернильницы подпрыгнуть и окропить пергаменты черными каплями, похожими на свежую кровь. — Ты же видел их «железных птиц», Иставан? Те стальные тени, что распарывают небо с грохотом, от которого трескаются витражи в храмах?

Он подался вперёд, и фиолетовый свет жаровен подчеркнул глубокие складки у его рта.

— Мы не знаем пределов их ярости, но мы уже видели цену их гнева. Ты хочешь повести гнилых мертвецов против тех, кто испаряет твердыню тэйцев одним ударом? Ты хочешь выставить кости против огня, который жарче дыхания дракона? Ты не просто играешь с огнём, некромант, ты зовёшь лесной пожар в наш собственный дом!

Тессерил медленно выпрямился, и в его желчных глазах, до этого полных страха, внезапно блеснул холодный, бритвенно-острый расчет, свойственный истинному хозяину Амна. Он расправил плечи, и аура могущественного купца-государственника вновь окутала его фигуру.

— Мы — Совет Шести. Мы — те, кто веками превращает кровь в чистое золото, а кровавый хаос — в работающий капитал. Если этот мир выбил наши двери и ворвался внутрь, значит, он принес с собой не только смерть, но и рынки, о которых мы не смели мечтать. Да, у них есть сталь и гром, но у них нет Плетения. Они — рабы собственной материи, несчастные калеки, запертые в коконе из железа, пороха и сложных шестеренок.

Он обвёл зал властным взглядом, делая паузу, чтобы каждое слово упало на чашу весов.

— Вы только вдумайтесь: сколько их короли, привыкшие полагаться на примитивные снадобья и неуклюжую хирургию, отдадут за один глоток зелья истинного исцеления? За возможность вернуть к жизни павшего наследника или исцелить рану, которая в их мире считается смертельной? Сколько их торговые гильдии заплатят за один-единственный свиток телепортации, способный перебросить их тяжелые грузы через Шов, через непроходимые заснеженные леса и горы за мгновение ока?

Тессерил почти торжествовал, чувствуя, как страх в зале сменяется алчностью.

— Мы не будем выставлять щиты против их стрел. Мы предложим им маски безупречной дипломатии и ослепительный блеск выгодных сделок. Мы сделаем так, чтобы они не могли без нас дышать. Мы заставим их нуждаться в Плетении так же сильно, как бедняк нуждается в хлебе. Пока их генералы будут чертить свои бесполезные планы наступления, наши агенты вкрадутся в их ряды, изучая их слабости, соблазняя их правителей и постепенно переписывая их амбиции на наш лад. Мы не будем их завоевывать мечом или твоими трупами, Иставан. Мы их купим — целиком, с их железными птицами, медными жилами и бездушным механизмом вместо сердца. И когда они это осознают, они уже будут носить наши цепи, выкованные из чистого золота и на-

шей вежливости.

Рибальд медленно поставил тяжёлый глиняный кубок на каменный подлокотник кресла. В наступившей мертвенной тишине этот звук — короткий, сухой стук обожжённой глины о холодный мрамор — прозвучал отчётливее и страшнее любого удара палицей. Рыжебородый великан тяжело вздохнул, и это был не просто вздох, а рокот человека, который смертельно устал от чужой близорукости и мелкого копошения тех, кто мнит себя вершителями судеб.

Он поморщился, словно от резкой, пронзительной судороги:

— А вы в окно вообще смотрели? — Рибальд не повысил голос, но его бас, глубокий и рокочущий, словно гул надвигающегося шторма, заполнил собой каждый дюйм пространства зала. Пламя в магических жаровнях испуганно качнулось и прижалось к углям, будто пытаясь спрятаться от этой первобытной мощи.

Он медленно обвёл взглядом Совет, и в его глазах, повидавших то, о чём магистры боялись даже грезить, не было ни почтения, ни страха.

— Вы рассуждаете о дипломатии, рынках и армиях, по-

ка самый фундамент нашего благополучия, само мясо этой земли, превращается в серую пыль. Тессерил, вы говорите о «капитале», но понимаете ли вы своим иссохшим умом, что зерно, которое мы посеяли, больше не принадлежит нашему миру? Оно не просто за Швом. Оно в другой реальности, где солнце светит иначе, а земля пропитана холодом, способным убить магию в зародыше.

Рибальд тяжело подался вперёд. Его огромные кулаки, унизанные массивными перстнями с редчайшими камнями — трофеями из мест, о которых молчат карты, — с глухим, костяным стуком опустились на широкие подлокотники. Этот звук, резкий, тяжелый и окончательный, оборвал ропот в зале лучше любого судейского молотка.

— Половина плодородных земель Амна теперь отсечена от нас стеной из иномирного льда, железа и непроходимого леса. А та земля, что милостью богов осталась на нашей стороне, содрогается от подземных толчков, и морозится их ледяным ветром. Вы хотите продавать им телепортацию? — Рибальд коротко и зло рассмеялся, и этот смех был похож на хруст ломающихся костей. — Пока вы будете предлагать им «маски дипломатии», их зима выморозит ваши сады, а их «масляные реки» отравят ваших рабов на рудниках в Чулте. Мы не на рынке, господа. Мы в клетке с хищником, который пока даже не подозревает о нашем существовании, потому

что просто занят обустройством своего нового логова. И если вы не перестанете мерить этот катаклизм золотыми дантарами, к следующей луне единственным товаром, который здесь останется, будут наши собственные черепа.

— Золото Аткатлы всегда было лишь эквивалентом хлеба, но попробуйте накормить золотым песком голодную толпу, когда животы начнёт сворачивать от пустоты, — голос Рибальда стал тише, но приобрёл опасную, режущую остроту. — Ваши бездонные склады — это не бесконечные сокровищницы, Тессерил. Это всего лишь песочные часы, из которых со свистом вытекает время.

Он обвёл тяжёлым взглядом членов Совета, задерживаясь на каждом чуть дольше, чем позволяли приличия.

— У нас нет месяцев на ваши «вкрадывания в ряды» и хитроумное «просачивание агентов». У нас есть считанные недели до того, как в Аткатле закончатся последние запасы муки. И когда это случится, порфир и гранит этих стен не защитят вас от тех, кто ещё вчера смиренно целовал подол вашего платья. Город начнёт жрать сам себя, едва первая мать не сможет купить лепёшку для своего ребёнка. Гнев голодного порта сметет ваших Магов в рясах быстрее, чем стальные стрелы пришельцев. А вы здесь занимаетесь кабинетной стратегией, деля шкуру зверя, который уже перегрыз нам

горло. Просто мы — как тот покойник из баек Иставана — ещё слишком глупы, чтобы осознать собственную смерть.

Рибальд медленно повернул голову к некроманту. В его глазах, обычно глубоких и спокойных, блеснул опасный, почти первобытный огонёк — взгляд человека, который видел, как рассыпаются в прах цивилизации, считавшие себя вечными.

— А ты, Иставан... — Рибальд выплюнул это имя, как горькое семя. — Если тебе так не терпится обрести власть над безмолвным легионом, иди! Поставь свой трон прямо посреди их бескрайних кладбищ, окружи себя миллионами гниющих слуг и наслаждайся своим величием в абсолютном одиночестве. Мертвецам не нужно зерно, им плевать на Шов и им всё равно, под чьим знаменем гнить. Но нам, живым, нужно выходить за стены и говорить с соседями прямо сейчас!

Он снова ударил кулаком по подлокотнику, на этот раз так, что по залу пошло гулкое эхо.

— Нужно не «покупать» их, а молить этих чужаков, чтобы они открыли свои границы для караванов, пока Аткатла не превратилась в братскую могилу. Нужно понять, как обменять наши безделушки на их хлеб и тепло, прежде чем они

поймут, что мы голы, безоружны и до смерти напуганы. Хаос не приносит капитал тем, кто не может дожить до завтрашнего рассвета, Тессерил. Хаос их просто пережёвывает.

Рибальд резко выдохнул, и воздух в зале едва заметно дрогнул, отозвавшись на его гнев тяжёлой, низкочастотной волной. Он начал подниматься — медленно, неохотно, словно пробуждающийся вулкан. Его фигура росла, плечи расправлялись, и Иставану на миг показалось, что рыжебородый торговец заслонил собой своды, превратившись в единственную реальную опору в этом зале теней.

— И кстати... — Рибальд обвёл Совет взглядом, в котором читалась почти физическая горечь. — Никого из вас не смущает, что со дня Катастрофы мы остались одни? Совсем одни?

Он сделал шаг от своего кресла, и каждый его движение отдавалось в полу глухим рокотом.

— Ни в одном храме, ни одному жрецу — от самого забитого послушника до высших иерархов — боги больше не отвечают. Молитвы падают в пустоту, как камни в колодец без дна. Вы можете взывать к Огме, вы можете выть, умоляя Вокин о золоте, но небеса немы. Там, за облаками, теперь тишина, от которой закладывает уши.

Он остановился в центре зала и поднял ладонь, медленно сгибая пальцы, словно пытаясь нащупать что-то в воздухе.

— Плетение... — он сделал паузу, и все магистры в зале невольно затаили дыхание, прислушиваясь к невидимым струям магии. — Оно всё ещё здесь. Оно всё ещё повинуется воле, формуле и жесту. Но оно стало «холодным». Из него ушла душа, ушла та искра жизни, которую давало присутствие богов. Теперь это Плетение эффективно и остро, как заточенный клинок из холодной стали, но в нём больше нет тепла. Оно больше не часть нас, оно — инструмент, который просто лежит под рукой.

Рибальд посмотрел на свои руки, будто видел на них иней.

— Если небеса отвернулись, а боги покинули свои троны, то кто теперь истинный хозяин этого нового, сшитого из лоскутов мира? Чей ритм мы слышим по ночам из-под корней чужого леса? И как вы думаете... — он горько усмехнулся, глядя на Тессерила, — захочет ли этот новый хозяин слушать ваши сказки о «величии Амна» и «курсе золотого дантара»?

В зале повисла тяжёлая, почти осязаемая тишина, в которой, казалось, застыла сама пыль, подсвеченная фиолето-

вым пламенем жаровен. Иставан медленно, скрежещущим движением шеи, повернулся к торговцу. Некромант не выглядел оскорблённым — гнев был слишком человеческим чувством, от которого он давно избавился. Напротив, в его пустых, подёрнутых белёсой дымкой глазах вспыхнул холодный, пронзительный интерес исследователя, нашедшего аномалию в идеально выстроенной формуле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.